

Ю. М. Трофимова

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ ГОТСКОГО ЯЗЫКА НА КОГНИТИВНОЙ ОСНОВЕ

Аннотация.

Актуальность и цели. Идеографические словари имеют большое значение для изучения истории человеческих знаний об окружающем мире. В этом смысле разработка идеографического словаря древнего языка способна раскрыть объективную картину развития человеческого познания. Целью статьи является идеографическая структуризация готской лексики на базе культурно и когнитивно специфичных феноменов библейского текста для установления свойственного ей уровня отражения действительности.

Материалы и методы. Исследование было проведено на базе лексики, зафиксированной в Готской Библии, являющейся переводом с греческого языка и отражающей реалии, не совпадающие с германской культурой. Выделение идеографических страт лексики, соответствующих германскому менталитету, быту и культуре, имело своей методологической основой принципы семантической реконструкции, идеографического анализа, парадигматического анализа тематических групп лексики.

Результаты. Выделены принципы комплектования готской лексики в идеографические структуры на основе понятий концепта и готской языковой картины мира. Приведены отдельные структуры готской лексики, способные войти в идеографический словарь готского языка и представляющие часть его синоптической схемы.

Выводы. Рассмотрение письменно засвидетельствованной лексики готского языка сквозь призму ее идеографической интерпретации, основывающейся на современных понятиях концепта и языковой картины мира, сможет содействовать реконструкции подлинных черт лексико-семантической системы готского языка как языка германского, отражающего самые разнообразные признаки германской культуры и менталитета.

Ключевые слова: текст перевода, фоновый компонент, понятие, концепт, идеография, языковая картина мира.

Yu. M. Trofimova

IDEOGRAPHIC DESCRIPTION OF GOTHIC VOCABULARY ON THE COGNITIVE BASIS

Abstract.

Background. Ideographic dictionaries are of great value in revealing the development of human knowledge of the surrounding world. Compiling of an ideographic dictionary of an old language makes it possible to reconstruct the objective picture of human cognition. The article deals with reconstructing the Germanic cultural component of the Gothic lexemes used in the Wulfilian translation of the Gothic Bible to express Judaic realities and notions which are not typical of Gothic as a Germanic language.

Materials and methods. The study was based on the vocabulary represented in the Gothic Bible which was translated from Greek and reflects realia different from Germanic cultural phenomena. The methodological potential of constructing ideographic strata corresponding to the Germanic culture included the principles of se-

mantic reconstruction, ideographic analysis and paradigmatic analysis of thematic lexical groups.

Results. The principles of singling out ideographic structures of the Gothic vocabulary have been established on the basis of the Gothic concepts and lingual picture of the world. There have been determined several structures of the Gothic vocabulary that can be included in the ideographic dictionary of the Gothic language.

Conclusions. It is suggested that the Gothic ideographic dictionary based on cognitive principles could be an opportunity to cover all known Gothic lexemes and represent them from the viewpoint of the concept and the lingual picture of the world.

Key words: text of translation, background component, notion, concept, ideography, lingual picture of the world.

Готский язык, являясь самым древним германским языком, получившим письменную фиксацию в значительном объеме текстов, оказывается исключительно важным источником при установлении общегерманских черт в различных древнегерманских языках. Однако апеллирование к общегерманским явлениям, сохранившимся в готском языке в большей мере, нежели в других германских языках, успешно осуществляется только на фонетическом и грамматическом уровнях. Что же касается его семантики, то здесь ситуация совсем иная, поскольку главный готский текст, а именно Готская Библия, является дословным переводом с греческого текста, который в свою очередь отражает совершенно незнакомые германцам иудейские реалии и понятия.

Переводчик готского текста, каковым традиционно признается Вульфила, переводил текст, не отступая от пословных соответствий. Итогом такого перевода явилось то, что готская лексика оказалась нагруженной значениями, которыми она в действительности не обладала. Можно, таким образом, утверждать, что на фоне других германских языков готский язык в плане семантики оказывается культурно и когнитивно зашифрованным.

На основании перевода невозможно заключить, насколько знаком был переводчик с иудейскими реалиями и духовными ценностями иудейского мира. Несомненно лишь то, что, невзирая на специфическую закрепленность собственной лексики за явно отличным кругом понятий и явлений, он предпочитал пользоваться словами готского языка, обращаясь к заимствованиям лишь в самых крайних случаях. Для сравнения заметим, что из сопоставления двух версий библейского перевода – Готской Библии и латинской Вульгаты – наглядно явствует, что в латинском варианте текста удельный вес заимствований неизмеримо выше [1, с. 35–37].

То, что контекстные употребления многих готских слов не соответствуют их значению, отмечено было давно, и в ряде работ можно найти достоверные или предполагаемые реконструкции их подлинной семантики [например, 2, 3]. Однако дальше отдельных слов такие построения не распространялись, не содержалось в них и оценки реальных масштабов подобной семантической неадекватности.

Установление подлинной семантики какой-либо отдельной лексемы можно сравнить лишь с каплей в море, если при этом соотнести ее с совокупным лексиконом готского языка. Требуется какая-то другая методика, которая охватила бы его в целом. Наиболее оптимальным вариантом здесь видится идеографическая практика с ее опорой на межъязыковое лексическое по-

нятие, т.е. понятие, присутствующее в двух этнокультурных общностях и без потерь информации выражающееся на двух разных языках [4, с. 16]. В качестве таких этнокультурных общностей выступают соответственно готская и библейско-иудейская общность, реалии которой при посредстве греческого языка и отразились в тексте Готской Библии. Понятия, присутствующие в обеих этнокультурных общностях, при идеографической интерпретации не обещают быть частотными, поскольку уже априори ясна детерминирующая их разница в культуре и менталитете названных общностей. Однако их установление имеет несомненную ценность, поскольку укажет на те участки готского текста, где наиболее вероятна его содержательная эквивалентность греческому оригиналу и в дальнейшем даст повод к заключению о собственно готских языковых особенностях. За вычетом межъязыковых эквивалентных понятий останется зона значительных расхождений как в семантике, так и в фоновом компоненте.

В идеографическом комментировании готской лексики, имеющем целью максимально возможное воссоздание ее собственных черт, не обойтись без новейших достижений лингвистики и в особенности когнитивной лингвистики. Идеографическая практика всегда оперировала единицей *понятия*, однако если перевести рассуждения в соответствии с веяниями времени в когнитивную плоскость, то, по всей видимости, более адекватным термином в этом случае будет не *понятие*, а *концепт*. Будем иметь здесь в виду одну из самых убедительных дифференциаций *понятия* и *концепта*: «понятие включает только существенные, необходимые признаки определяемого, а концепт – все признаки; понятия пребывают вне эмоций, а концепты «переживаются»; понятие связано с системой, концепт же содержательно непредсказуем» [5, с. 147]. Фраза *все признаки* в данном случае будет означать обращение к фоновому компоненту, выделяемому из модели готской культуры, как духовной, так и материальной, а слово *переживаются* явно укажет на испытываемые переводчиком затруднения при попытке отобразить средствами готского языка культурно и географически несовместимые явления.

Другой единицей идеографического комментария должна в этом случае стать такая величина, как языковая картина мира (ЯКМ). Последняя имеет как когнитивные, так и лингвокультурологические толкования, и оба они могут быть приняты к сведению. Рассуждения в направлении идеографической интерпретации готской лексики приведут нас к синопсису, а именно к выявлению характерных для готской ЯКМ понятий (концептов) и к выстраиванию в итоге синоптической схемы готского идеографического словаря. Что для такой схемы будет иметь большее значение: ее когнитивная детерминированность менталитетом эпохи (включая уровень языковой абстракции, а также специфику древней семантики) или нахождение в границах модели готской культуры, в полной мере экстралингвистических? Видимо, два названных явления будут неразрывны.

Идеографический словарь, как известно, группирует слова по смысловой близости. Основа этой близости исключительно когнитивная. В краткой форме ее сущность может быть выражена в следующей формуле: язык составляет органическое единство с мышлением, которое в свою очередь отражает процесс познания человеком действительности. Знание, полученное в ходе познания предметов и явлений действительности, закреплено в значе-

нии слов. Существенная роль в структуре значения принадлежит фоновому компоненту (он же – лексический фон), который некоторыми лингвистами включается в значение. В значении готских слов изначально закреплено знание, которое не совпадает со знанием, отраженным в тексте оригинала. Это знание самым неуловимым образом соединяется со знанием, заключенным в лексическом фоне, который фактически представляет собой лингвокультурологический блок ЯКМ, отраженный в готской лексике.

К какому типу будет относиться готский идеографический словарь? Как известно, выделяют три типа таких словарей: словари-тезаурусы, аналогические словари и учебные идеографические словари. Судя по принятым на сегодняшний день критериям, готский идеографический словарь следует отнести к идеографическим тезаурусам. Как известно, в словаре-тезаурусе с максимальной полнотой представлена вся лексика языка. В готском языке вся лексика вполне обозрима, и с учетом полисемии выделяется всего около 4000 лексем. Однако и здесь следует принять к сведению некоторые моменты. Готский идеографический словарь по большому счету не будет иметь аналога во всей существующей на сегодняшний день идеографической практике. Причиной этому явится целый ряд обстоятельств: (1) это исторический словарь, создаваемый в современную эпоху, что, во-первых, обозначит конфликт менталитетов и, во-вторых, сделает акцент на специфику древней семантики; (2) это переводной словарь, где каждое слово готского языка должно сопровождаться переводом на какой-либо современный язык; (3) это словарь, создаваемый на контрастивной основе, т.е. при учете соответствий готской лексики греческим эквивалентам.

Попробуем соотнести готский словарь-тезаурус с традиционным пониманием такого словаря. Как известно, идеографические тезаурусы разбиты на тематические группы, объединенные в ступенчатую иерархическую структуру, отражающую их взаимосвязь. Именно такая структура называется синоптической схемой тезауруса. Каждая тематическая группа такого словаря имеет заглавное слово, являющееся центральным понятием, а также слова, так или иначе соотносящиеся с этим понятием. С помощью подобных словарей легко определить место каждого конкретного слова в лексико-семантической системе. Авторами также подчеркивается, что в тезаурусе выделяются взаимосвязи слов в соответствии с определенными представлениями носителей данного языка и данной культуры о соотносительности лексических единиц с предметами и явлениями реального мира. Это очень близко к понятию языковой картины мира как отражению реальной действительности через призму человеческого мышления, выраженному языковыми средствами [6, с. 1].

Но от чего еще может зависеть синоптическая схема идеографического словаря? Иногда раздаются голоса, ратующие за придание ей максимальной объективности. Однако нельзя не признать, что объективность нивелирует антропоцентризм идеографического словаря, который имеет понятийную (или лучше – когнитивную) основу, отражая уровень познания мира человеком. Автор-составитель идеографического словаря, как ни странно, должен быть включен в эту антропоцентрическую координату, поскольку он пытается раскрыть понятийную структуру, модель приоритетных оценок в познании человеком мира на тот или иной момент времени.

В. В. Морковкин приводит одну из самых древних синоптических моделей идеографического словаря: схему классификации, принятую в словаре

Ю. Поллукса. Здесь на первом месте – Боги. Все остальные группы раскрывают не столько собственный менталитет автора, сколько менталитет его времени, а также уровень развития социума как производительный, так и общественный: *Боги. Места культа, алтари и храмы. Создание и разрушение. Жрецы. Провидцы и искусство провидения. Благочестивые и безбожники. Короли, купцы, ремесленники. Дом, корабль. Погода. Армия. Лошади и искусство верховой езды. Домашние животные. Сельское хозяйство, плуг, средства перемещения, пчелы* [7, с. 13].

Классификации Нового времени на первое место выносят рубрику «Вселенная», продолжаемую или предвосхищаемую рубрикой «Человек». Например, классификация понятий, созданная Халлигом и Вартбургом, включает в себя три основных понятийных класса: а) Вселенная (без человека); б) Человек; в) Человек и Вселенная. Синоптическая схема классификации, принятая в словаре Ф. Дорнзайфа, практически однотипна предыдущей. Человек, Вселенная и Человек во Вселенной – вот приоритеты Нового и Новейшего времени при составлении идеографических словарей. Однако даже авторский субъективизм, проявляющийся при составлении тезаурусов, может иметь свои положительные стороны. Как было отмечено, сравнивая разные тезаурусы, можно изучать свойства и принципы функционирования языковой картины мира. Например, сопоставляя синоптические схемы, можно делать выводы о зависимости картины мира от личностных и национально-культурных особенностей человека и находить определенные закономерности в этом соотношении [6, с. 3].

Поскольку современному человеку трудно отказаться как от собственного менталитета, так и от менталитета своего времени, то, по-видимому, следует согласиться с тем, что синоптическая схема готского идеографического словаря будет современной, соответствуя той же самой трехблочной модели.

Однако вспомним наконец о межъязыковом лексическом понятии, т.е. о понятии, присутствующем в двух этнокультурных общностях и без потери информации выражающемся на двух разных языках. Если развить его в духе современных когнитивных категорий, то следует признать, что при подключении к нему фонового компонента он уже приобретет очертания концепта. Фоновый компонент (он же лексический фон) как раз и заключает в себе совокупность всех признаков объекта, которые должны учитываться при составлении исторического идеографического словаря с опорой на различные экстралингвистические сведения, часто отождествляемые с моделью культуры того или иного социума.

Иногда этот фон можно искусственно извлекать из значения лексемы, и тогда мы действительно имеем межъязыковые лексические понятия. В частности, если обратиться к географическому фактору, то можно опереться на денотацию и выделить в чистом виде тот или иной референт, не связывая его с теми культурными категориями, с которыми тот может соотноситься у разных народов. В этом случае выделим такие идеографические страты: *вселенная*: *stairno* «звезда», *lauhmuni* «молния», *sunno*, *sauil*, **sugil* (реконструкция) «солнце», *wato* «вода», *luftus* «воздух» и т.д., *общие представители флоры и фауны*: *ahs* «колос», *waurts* «корень», *bagms* «дерево», *lamb* «ягненок, овца», *hana* «петух» и т.д., *человек в плане физиологии*: *arms* «рука», *hals* «шея», *fotus*

«нога», *gaggan* «ходить» и т.д., *одинаковые виды хозяйственной деятельности и ее объекты*: *akrs* «поле», *pati* «сеть», *haldan* «пасти» и т.д., *вещества, материалы и продукты, распространенные на обеих территориях*: *miluks* «молоко», *ahana* «мякина», *wulla* «шерсть», *filleins* «кожаный» и т.д., *некоторые родственные отношения и профессии*: *aba* «муж», *qen* «жена», *barn* «ребенок», *fiskja* «рыбак» и т.д., *умственная и эмоциональная сфера*: *grets* «плач», *hlas* «веселый», *aha* «ум» и т.д.

Количество эквивалентных понятий (концептов) хотя и значительно, но не так велико, как может показаться на первый взгляд, поскольку основная часть подобных лексем сохраняет очень сильный фоновый компонент. Наиболее высок он в той части лексики, которая соотносится с тематическими сферами быта и географической среды. Первую из них в силу ее обширности можно проиллюстрировать лишь некоторыми идеографическими группами лексики, начав, например, с группы «поселения»: *baurgs* «город», «крепость», *haims*, *weihs* «село, деревня». Как известно, германские народы не строили городов. Прокопий, описывая крымских готов, подчеркивал, что в их стране (Дори, на крымском побережье) нет ни города, ни крепости, так как эти люди всегда любили жить в полях [8, с. 249]. Гот. *baurgs*, одинаково примененное для выражения концептов «город» и «крепость», не могло быть эквивалентным выражением для этих объектов, так как ни сами палестинские города, ни Иерусалимская крепость не находила аналога в германской культуре.

Что касается лексем *haims*, *weihs* «село, деревня», то различия между ними в денотатах не установимы, хотя сам факт наличия двух лексем их предполагает. Обе они практически недифференцированно употреблялись вместо греч. *κόμη* «деревня, село» и *αὔρος* «поле, деревня».

Еще более сложные лексико-семантические взаимоотношения отмечаются в группе лексики, обозначающей улицы, переулки, площади. Поскольку готы не жили в городах, то соответствующие понятия у них могли отсутствовать почти полностью. Только часть готского населения была знакома с городской жизнью, во всяком случае достоверно известно, что остготы в середине IV в. были земледельцами и проживали в деревнях, разбросанных по широкому простору южной России. В отношении вестготов такой определенности нет, но, как полагает Э. А. Томпсон, вряд ли имелась какая-то разница в способах их хозяйствования [9, с. 27–28].

В готском языке наличествует полное смешение лексем внутри тематической группы с обозначениями улиц и аналогичных им объектов. Для греч. *ἡ πλατεῖα* «улица, дорога» взяты гот. *gatwo*, *fauradauri*, *plarja*. Последнее представляет собой латинское заимствование *platea* (из греч. *πλατεῖα*), проникшее к готам еще в III в., когда они поселились в Дакии [10, с. 3]. Именно тогда они и могли усвоить концепт «город», поскольку имели возможность наблюдать прежние римские города, сохранившиеся на территории Дакии [11, с. 6]. Помимо этого встречается и гот. *garuns*, использованное для греч. *αγορά* «собрание, место собрания, площадь, рынок» и *ρύμη* «узкая улица, переулок». Противоположность значений у двух названных греческих лексем, противостоящих по принципу «широкий-узкий», скорее всего говорит о полном безразличии переводчика к реалии «улица».

Самая значительная сфера готской лексики, где влияние фона было наиболее нежелательным и тщательно преодолевалось, была, конечно, культурная. Готы познакомились с христианством намного раньше вульфилианского перевода. Первое представление о нем они получили при вторжении на территорию римских провинций в середине III в. через пленников-христиан, которых приводили с собой из Малой Азии, частично из Фригии, Галатии и Каппадокии. Распространению христианства способствовала и миссионерская деятельность некоторых проповедников, как, например, Авдия, который по свидетельству Эпифания, будучи сосланным в пределы Готии, «огласил христианским учением многих готов» [12, с. 246]. Но, несмотря на это, до 370 г. христиан среди вестготов было очень мало и массовое их обращение датируется только 382–395 гг. [9, с. 86, 93]. В целом же только в V в. готы осознали в христианстве свое конфессиональное единство [13, с. 441].

В Новом Завете упоминается три вида культовых сооружений (названия которых вполне можно выделить в одну идеографическую структуру): Иерусалимский храм, скиния и синагога. В готской части Библии не сохранилось упоминания о скинии, но, безусловно, какое-то слово изначально было для нее подобрано, поскольку эта часть текста была переведена. Иерусалимский храм являл собой монументальное и многоплановое сооружение, имевшее в плане разнообразные подразделения, синагога же исконно означала народные собрания для богослужения, для которых со временем стали строить специальные здания.

В готском языке для обозначения Иерусалимского храма было использовано слово *alhs* и один раз *gudhūs*, а для синагоги – *gaqumþs* и *swnaþoge*, являющееся непосредственным заимствованием. По отношению к первым трем словам главным вопросом является их денотация, т.е. тот объект, который они означали до их приложения к иудейским реалиям.

Глубокие этимологические корни *alhs* (ср. литовское существительное *alkas* «священная роща») подтверждают свидетельства Тацита о том, что местом совершения культа у германцев были леса и рощи. Сообщение Евсевия Иеронима о том, что «готы возили за собой палатки церквей» [14, с. 229], в какой-то мере свидетельствует об отсутствии у них храмовых сооружений капитального типа. Однако упоминание в Готском календаре о церкви, сожженной во время преследования христиан, говорит о том, что какие-то строения для культовых христианских действий уже имелись. В Готском Календаре такое строение названо греческим заимствованием *aikklesjo* (греч. *ἐκκλησία* «собрание христиан, церковь»). Учитывая довульфилианский характер заимствования *aikklesjo* [15, с. 21], трудно сказать однозначно, прилагалось ли оно всегда к какому-либо строению. Скорее всего нет, так же как и *alhs*. Хотя *gudhūs*, калькированное с лат. *domus dei*, во второй своей части вполне определенно указывало на строение, ни оно, ни те более *alhs* не могли соответствовать фоновой информации Иерусалимского храма. Преобладание язычества еще в большей мере способствовало удержанию у *alhs* собственного лексического фона, в результате чего тот, по-видимому, был не в состоянии передать подлинное содержание стиха Мк¹ 11, 15 ... Иисус, вошед в храм (*alhs*), начал выгонять продающих и покупающих в храме (*alhs*).

¹ Здесь и далее И, М, Мк, к – соответственно Евангелия от Иоанна, Матфея, Марка, второе послание к Коринфянам.

Назовем еще одну идеографическую структуру готской лексики, на этот раз из сферы абстрактных понятий, а именно группу слов со значением «гнев».

В этом случае начнем именно с фонового компонента. Как известно, библейское понятие гнева в корне отличается от германского. Имеются высказывания об исключительно вспыльчивом характере готов, их жестокости в первом упоении победой [16, с. 11; 8, с. 81], о сравнении их современников с разъяренными, свирепыми зверями [17, с. 49–51]. Однако никому из готов не пришло бы в голову считать вспышку гнева недостойным поступком, грехом.

По Библии гнев безгрешен, только если он вызван отвращением и негодованием против греха, в остальном гнев греховен и порицается [18, с. 837]. Только в этом контексте понятно желание апостола Павла не найти у Коринфян «раздоров, зависти, гнева» (к 12, 20). Но лексика, использованная Вульфиллой для перевода, несмотря ни на что сохраняла готское представление о гневе и соответственно воспроизводила его в сознании читавших Писание готов. Им были употреблены: *hatis* (греч. *θυμός* «дух, душа, жизнь»; «желание»; «мысль»; «дух, мужество»; «гнев», греч. *οργή* «пыл, влечение, темперамент, характер»; «гнев, раздражение»); *mops* (*θυμός, οργή*); *hwairhei* (*θυμός, οργή, ἐρις* мн.ч. от *ἐρις* «спор, брань, ссора», *παροργισμός* «раздражение, озлобление»), *jiuka* (*θυμοί* мн.ч. от *θυμός* в значении «вспышки гнева», *επιθεία* мн.ч. от *επιθεία* «ссора, спор»).

Таким образом, отмеченное понятие гнева сконцентрировало вокруг себя целую идеографическую структуру, а именно лексико-семантическую группу *hatis, mops, hwairhei, jiuka*, способную обозначать возбужденное, гневное состояние. Учитывая тот факт, что названные готские лексемы в основном соотносятся с одними и теми же греческими эквивалентами, можно заключить, что «гнев» у готов имел множество оттенков.

В заключение отметим следующий момент. Готский словарь-тезаурус может позаимствовать некоторые особенности также и у идеографических учебных словарей. Эти словари обозначат еще один угол зрения на то, в каком аспекте готский идеографический словарь может поспособствовать в установлении подлинных черт готской лексики как исконно германской. Здесь мы будем иметь практически то же самое, что В. В. Морковкин назвал макетом лексической системы языка [7, с. 43]. Внимание в этом случае переключится на словосочетания и в особенности на те из них, которые денотативно ассоциируются с иудейскими реалиями и понятиями. В качестве примера можно привести такие межъязыковые эквивалентные ситуации: М 5, 45 *sunpon ... ugranneiþ* «солнцу ... восходить», И 16, 21 *qino ... bairiþ* «женщина ... рождает», Мк 11,8 *astans maimaitun us bagmam* «резали ветви с дерев», М 27, 7 *usbauhtedun ... akr* «купили ... землю» и т.д. Продолжить анализ структурно-семантических особенностей готских словосочетаний в тексте перевода можно с подключением фонового компонента, чтобы в итоге составить более полное представление о готской лексической сочетаемости.

Список литературы

1. **Friedrichsen, G. W. S.** The Gothic version of the Gospels. A study in style and textual history / G. W. S. Friedrichsen. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1926. – 261 p.
2. **Kauffmann, F.** Der Stil der gotischen Bibel / F. Kauffmann // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1919–1920. – Bd. 48. – Н. 1. – S. 7–80 ; Н. 2/3. – S. 165–235 ; Н. 4. – S. 349–388.

3. **Ebbinghaus, E. A.** Gotica XIII / E. A. Ebbinghaus // *General Linguistics*. – 1976. – Vol. 16, № 1. – P. 9–13.
4. **Верещагин, Е. М.** Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.
5. **Алейникова, Т. В.** Становление концепта как ключевой категории современной лингвистики: подходы к изучению / Т. В. Алейникова // *Человек – слово – текст – контекст: проблемы современных лингвистических исследований* : сб. науч. тр. / под ред. Л. О. Бутаковой. – Омск : Омский гос. ун-т, 2003. – С. 143–148.
6. **Марус, М. Л.** Особенности практического применения различных типов идеографических словарей английского языка / М. Л. Марус // *Концепт*. – 2013. – № 2 (февраль). – URL: <http://e-koncept.ru/2013/13040.html>
7. **Морковкин, В. В.** Идеографические словари / В. В. Морковкин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 70 с.
8. **Прокопий.** О постройках / Прокопий // *Вестник древней истории*. – 1939. – № 4. – С. 203–283.
9. **Thompson, E. A.** The Visigoths in the time of Wulfila / E. A. Thompson. – Oxford : Clarendon Press, 1966. – 176 p.
10. **Corazza, V.** Le parole latine in gotico / V. Corazza. – Roma : Accademia nazionale dei licei, 1969. – 107 p.
11. **Mansion, J.** Les origines du christianisme chez les Gots / J. Mansion // *Analecta Bollandiana*. – 1914. – Т. 33. – P. 5–30.
12. **Латышев, В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / В. В. Латышев // *Вестник древней истории*. – 1948. – № 3. – С. 217–330.
13. **Буданова, В. П.** Готы в эпоху великого переселения народов / В. П. Буданова. – М. : Наука, 1990. – 232 с.
14. **Латышев, В. В.** Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / В. В. Латышев // *Вестник древней истории*. – 1949. – № 4. – С. 203–308.
15. **Feist, S.** Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache / S. Feist. – Leiden : E. J. Brill, 1939. – 710 s.
16. **Bradley, H.** The Goths / H. Bradley. – L. : Unwin, 1840. – 376 p.
17. **Teillet, S.** Des Gots à la nation Gotique / S. Teillet. – Paris : Les belles lettres, 1984. – 687 p.
18. Библейская Энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. – М. : Тип. А. И. Снегиревой, 1981. Репринт. изд. – М. : Терра, 1991. – 901 с.

References

1. Friedrichsen G. W. S. *The Gothic version of the Gospels. A study in style and textual history*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1926, 261 p.
2. Kauffmann F. *Zeitschrift für deutsche Philologie* [Journal of German philology]. 1919–1920, vol. 48, iss. 1, pp. 7–80; iss. 2/3, pp. 165–235; iss. 4, pp. 349–388.
3. Ebbinghaus E. A. *General Linguistics*. 1976, vol. 16, no. 1, pp. 9–13.
4. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic-cultural theory of words]. Moscow: Russkiy yazyk, 1980, 320 p.
5. Aleynikova T. V. *Chelovek – slovo – tekst – kontekst: problemy sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy: sb. nauch. tr.* [People – word – text – context: problems of modern linguistic research: collected works]. Omsk: Omskiy gos. un-t, 2003, pp. 143–148.
6. Marus M. L. *Kontsept* [Concept]. 2013, no. 2 (Febr.). Available at: <http://e-koncept.ru/2013/13040.html>
7. Morkovkin V. V. *Ideograficheskie slovari* [Ideographic dictionaries]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1970, 70 p.
8. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history]. 1939, no. 4, pp. 203–283.
9. Thompson E. A. *The Visigoths in the time of Wulfila*. Oxford: Clarendon Press, 1966, 176 p.

10. Corazza V. *Le parole latine in gotico* [Latin words in Gothic language]. Roma: Accademia nazionale dei licei, 1969, 107 p.
11. Mansion J. *Analecta Bollandiana*. 1914, vol. 33, pp. 5–30.
12. Latyshev V. V. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history]. 1948, no. 3, pp. 217–330.
13. Budanova V. P. *Goty v epokhu velikogo pereseleniya narodov* [Goths in the great migration of peoples]. Moscow: Nauka, 1990, 232 p.
14. Latyshev V. V. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history]. 1949, no. 4, pp. 203–308.
15. Feist S. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache* [Comparative dictionary of Gothic language]. Leiden: E. J. Brill, 1939, 710 p.
16. Bradley H. *The Goths*. London: Unwin, 1840, 376 p.
17. Teillet S. *Des Gots à la nation Gotique* [Goths of the Gothic nation]. Paris: Les belles lettres, 1984, 687 p.
18. *Bibleyskaya Entsiklopediya. Trud i izdanie Arkhimandrita Nikifora* [Biblical Encyclopedia. Work and publication of archimandrite Nikifor]. Moscow: Tip. A. I. Snegirevoy, 1981. Reprint. Moscow: Terra, 1991, 901 p.

Трофимова Юлия Михайловна

доктор филологических наук, профессор,
кафедра английской филологии,
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Россия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68)

E-mail: primavera49@list.ru

Trofimova Yulia Mikhailovna

Doctor of philological sciences, professor,
sub-department of English philology,
Ogarev Mordovia State University
(68 Bolshevistskaya street, Saransk, Russia)

УДК 81'373; 811.453

Трофимова, Ю. М.

Идеографическое описание лексики готского языка на когнитивной основе / Ю. М. Трофимова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 85–94.